

Юлия Емельянова

Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР КОНСЕРВАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Yuliia Yemelianova. Ethnic Factor of Conservative Trends in Political Process.

The authors understanding of ethnos as a fundamental subject of social reality is offered in this article. Existence of ethno-social modus of social reality is grounded from the position of global evolutionism concept, integral, social-cultural and a few other positions.

Author points out that conservative mechanisms in functionality of ethnos as a social organisation, create and preserve the main conditions of human existence as a species and as a subject of a socio-political changed.

Author believes that rhythms of ethnos existence, being fundamental amongst the rhythms of general social dynamics, determine, among other, the rhythms of socio-political changes.

Rapid changes determined by modern globalization phase cause the "rupture" in social tissue forcing ethnos to apply stabilising mechanisms of existence.

The raise of ethnical stabilising mechanism appears as a conservative trend which holds back the rationally designed changes in socio-political process. Explicated approval mechanism of ethnic and cultural diversity in a globalizing world.

Key words: Ethnos; Cultural Subject; Ethnos as a functional organization; Social process; Conservative Trends.

Современный политический процесс имеет специфическое содержание: в нем сосуществуют различные типы и формы социально-политического движения, разворачиваются тенденции, способные ускорять или стабилизировать политический процесс. В качестве одного из модусов социального процесса политический процесс подчиняется закономерностям, организующим социальное пространство в целом. Такая зависимость политического (особенного) от общесоциального позволяет анализировать направленность, силу, перспективы изменений в нем в контексте фундаментальных закономерностей социальной формы материи.

Онтологической характеристикой антропологической социальной реальности, не свойственной иным витальным формам социальности, признается в современной социальной теории субъектность. Иначе говоря, социальная форма материи потенциально субъектна. Всевозможные изменения в ее структуре, форме, содержании предполагают наличие определенного субъекта, способного спровоцировать и направлять изменения. Так, можно предположить, что консервативные тенденции в политической жизни государств – например, сдерживание политических реформ, воспроизведение сложившихся политических режимов, – имеют фундаментальные основы в организации социального пространства в целом. Указанное теоретическое основание определяет цель данной статьи: указать субъект, фокусирующий на себе консервативные тенденции в общесоциальном движении, или, точнее, носящий их в себе, в своей «природе» и организации.

На роль такого субъекта может, по мнению автора, претендовать этнос, поэтому основной задачей статьи становится обоснование этноса в качестве главного источника консервативной тенденции в организации социального движения, а значит, и социально-политической жизни общества. Взаимосвязь и взаимозависимость политического и общесоциального может быть рассмотрена на примере феномена «этнического ренессанса» («этнического парадокса»), наблюдаемого в жизни мирового сообщества с середины XX века и не имеющего общепринятых объяснений в научном сообществе.

Сложность ситуации в общественном движении, дополнительные факторы, в том числе и этнизация социальных отношений, были отмечены многими исследователями (Д. Белл, З. Бжезинский, Ж. Бодрийар, У. Дайзард, М. Кастельс, К. Кояма, И. Масуда, Дж. Нейсбит, Т. Стоунер, О. Тоффлер, К. Поппер, Ф. Фукуяма, А. Этциони и многие др.).

Неоспоримой закономерностью существования всего разнообразия бытия народов, государств, индивидов можно считать, отмеченное еще Гегелем, «изменение вообще». Такого рода изменения фиксируются в общественном сознании, описываются хронистами, историками, но не получают научного обобщения на абстрактном (понятийном) уровне в связи с их незначительностью, непродолжительностью. Однако во второй половине XX ст. в социальном движении произошли радикальные изменения, которые привели к усложнению субъектной базы в социально-политическом модусе социального бытия и потребовали глубокого научного анализа.

Речь идет об этносах, вышедших на арену истории и нарушивших «подвижное равновесие» (А. Богданов) социальной системы. Своей активностью они привели к стремительному изменению политической карты мира (имеется в виду крушение колониальной системы отношений между государствами и появление новых государств). При этом они обострили проблему понимания закономерностей социального движения в целом, заставив исследователей признать неготовность социальной теории дать адекватное объяснение новой социальной и социально-политической ситуации.

Актуализация этнического начала в виде демонстрации протеста против высокой степени воздействия на основания идентичности – как научная проблема – была впервые зафиксирована в западном мире (США, Великобритания). Именно тогда обнаружилось противоречие между практическим «присутствием» этнического элемента во всех социальных процессах и отсутствием общепризнанной теоретической позиции для объяснения этнической активности. Пересмотр гносеологических установок в изучении и объяснении этноса позднее привел к созданию концепций и теорий этноса (этничности) в широком теоретическом интервале: эссенциализм–конструктивизм.

Поскольку проявления этносоциального движения получили наиболее яркое воплощение в сфере политики, национального и государственного строительства, в рамках анализа антиколониальных политических изменений, то и первые оценки им были даны в 60-е гг. XX в. специалистами в соответствующих сферах знания. С позиции философии, научная проблема, обнаружившаяся в тот момент и сохраняющаяся до сих пор, сосредоточена в противоречии между утвердившимся представлением о сущности и роли этноса в историческом процессе и его современным существованием, указывающем на определенный кризис. Речь идет о том, что традиционно этнос рассматривается как исторически «переработанный материал», современное состояние которого не может значительно влиять на процессы строительства общепланетарного человеческого мира. Социальная практика опровергала такое представление в период разрастания глобализационных процессов, которые были инициированы и поддерживались одним из исторически сложившихся центров социального мира – западным регионом (по расчетам Э. Тоффлера (1970) к нему относится не более 3% населения планеты). Активности (хозяйственной, военно-политической, культурной) западного мира сопротивлялись те локальные сообщества, которые имеют иные исторически сложившиеся ритмы, темпы и формы социального движения. Оказалось, что среди субъектов, выражающих отмеченное противоречие (группы стран, государства, регионы, народы, сообщества, сословия и др.), наиболее активно сопротивляются уничтожению социальных и культурных основ своей жизнедеятельности этнические сообщества, которые оказались участниками множества конфликтов и войн. Глобализация показала, что этнические общности (крупные и немногочисленные этнические системы) могут быть активными субъектами политики, государственного строительства, хозяйственно-экономической жизни, культурных процессов. Так, одним из важнейших факторов распада советской империи исследователи называют фактор отсутствия целенаправленной этносоциальной политики, регулирующей взаимное сосуществование этнических культурных миров, что привело к их конфронтации [1].

Необходимо отметить, что стихийно идущее в различных дисциплинах накопление знаний об этносе в США и Европе сегодня не имеет общепризнанных теоретико-методологических оснований и не привело к созданию интегрированных, конвенциональных его теорий и моделей. Этнос входит наряду с другими концептами в концептуальные схемы изучения различных аспектов социального мира, однако при этом практически отсутствуют исследования, которые сосредоточены не на отработке концептов (социально-политический процесс, этнос, культура, глобализация, социальная трансформация), а на комплексном их осмыслении. Вместе с тем современные этнические процессы столь масштабны, что требуют изучения с позиции признания целостности социальной материи как особого уровня развития материального мира, а также поиска места и роли этноса в этой реальности.

Указанные обстоятельства подводят к необходимости рассматривать этническую проблематику на таком уровне «мироустройства», который «включает в себя» этнос, и опираться при этом на результаты ключевых для современной философии дискуссий. Речь идет об антропологическом ренессансе и обостренном внимании к проблеме человека, возвращении индивидуального и коллективного субъекта в философский дискурс, утверждении нового понимания роли культуры, и в целом – поиске новых путей постижения человека и его мира.

В этом случае теоретическим основанием для понимания места этнического парадокса может служить «стержневая идея» (В. Степин) современной научной картины мира – глобального (универсального) эволюционизма, утверждающего принципы самоорганизации и усложнения мира. Под эволюцией, в данном случае, понимается «сохраняющий» («безопасный») тип самоорганизации, сопровождающийся дальнейшим усложнением систем [2].

Согласно алгоритму единообразного описания разнообразия процессов в неживой, живой природе и социальном мире, этнос в парадигме эволюционизма можно попытаться рассматривать в качестве устойчивой структуры социальной материи, которая складывается в результате «эмерджентного скачка» эволюционной сложности (Б. Шалютин). Результатом действия механизмов эволюции становится принципиально новая реальность – этносоциокультурная. Целесообразность и продуктивность такой исследовательской позиции подтверждается при использовании методологических возможностей философского аналога эволюционной парадигмы – конкретно-всеобщей концепции развития (В. Орлов). В рамках конкретно-всеобщей теории развития обосновывается бесконечное многообразие форм объективной реальности; уточняется представление об основной структуре бесконечного материального мира; в категориальном составе эксплицируются узловые и конкретные категории, а именно: человек, общество, живое и др. В теории разрабатывается один из важнейших законов развития, – закон аккумулятивного характера развития [3]. Этнос с позиций указанной теории может рассматриваться как фундаментальный феномен социальной материи. Сложность этнического возникает в связи с тем, что этнос специфически воплощает общеэволюционный механизм самоорганизации материи, аккумулируя сложность предшествующих ее уровней – биологического, химического, физического, что и позволяет ему стать необходимой «единицей» эволюции уже на уровне социального.

Процесс становления этноса в качестве коллективного творца (конструктора) генетически первой формы социальной организации людей, их процессуального со-бытия) может быть проанализирован в процессе синтезирования «внешних» и «внутренних» детерминаций (В. Кемеров) в его конструктивной деятельности по самореализации своего потенциала. Такова позиция конструктивного реализма – методологической и мировоззренческой установки постнеклассической науки и философии. В данном случае с позиции конструктивного реализма речь может идти о всеобщем эволюционном процессе антропосоциогенеза, который не может быть ничем иным, как процессом антропо-социокультурогенеза.

Новое понимание культуры как программирующего инструмента этносоциальных процессов (социокультурный подход: Н. И. Лапин, А. С. Ахиезер и др.) позволяет при этом анализировать усложнение социальной материи при формировании ее социокультурного модуса. Детерминированность социального инструментами культуры объясняет изменения на субстратном, структурном и организационном уровне. Эти изменения в социальной «ткани» происходят под действием механизма аккумуляции «досоциальной» сложности и «встречного» процесса интеграции ее социокультурными (смысловыми, психо-культурными) воздействиями.

Программирующий инструмент культуры содержит эволюционную «программу» создания человеческого коллектива как общности нового типа, в которой социальные действия приводят к контролю над биологическими (самоуничтожение как ритуальное убийство членов сообщества, в том числе и потомства; запрет кровосмешения и др.). Такого рода «антиэволюционные» действия психо-культурной программы запускают процесс развития индивидуальных психических и интеллектуальных способностей членов сообщества. Однако логично предположить, что речь идет о событиях на уровне социального «особенного», потому что такие действия возможны в интересующей локальной смысловой среде существования «человека разумного» в очаговой (локальной) форме.

Заметим, что вынужденное постоянное воспроизводство такого рода установок и программ порождает не человека «вообще», а человека «этнического», в связи с чем наиболее сложный фрагмент истории становления социального пространства в целом может носить название этносоциокультурогенеза. Можно сослаться на мнение М. Туровского, утверждающего человека как существо самоформирующееся, несущее в себе механизм упорядочивания реальности; на материалы исследований Н. Бернштейна, А. Ухтомского, М. Мерло-Понти, Дж. Гибсона и др., которые обнаруживают связь телесной структуры человека и способов создания единого интересующего пространства со знаковым поведением и языком общения, игрой, ритуалом, мифом, сказкой. Отметим, что формируя этнические общности людей, Природа создает определенную форму организации структур и субстрата, демонстрирует еще один механизм отбора состояний сложных систем, создающих предпосылки и условия для формирования Человека.

Остановимся подробнее на анализе этнического модуса социального мира с позиции интегративного подхода, который становится сегодня востребованным методологическим инструментом, снимающим противоречия в многообразии методик, теорий и подходов в современной науке. С позиции этого подхода этнос предстает как феномен социальной материи, природа которого предполагает аккумуляцию иерархически выстроенной подвижной структуры закономерных взаимодействий элементов физического, химического, биологического и социального уровней материи. Такого рода системная целостность предстает как своеобразная иерархия, скрепленная «вертикальной», условно говоря, «осью устойчивости» (термин Н. Оконской). В иерархии уровней переход от биологической организации материи к социальной – самый молодой в эволюционном процессе, а значит, самый уязвимый для разрушения. В нем (а это длительный период антропогенеза) формируются те виды социальных действий, в которых сохраняется биологический компонент: он особенно заметен в социальных и культурных играх и ритуалах конкретной культуры. Именно на их основе становятся возможны более сложные действия и взаимодействия, такие как обряд, традиция, язык, миф, сказка, совокупность которых и создает социокультурную реальность оригинальной локальной общности. Неповторимость локальной культуры складывается в повседневных практиках и их малозаметных изменениях, которые, не являясь целенаправленными и сознательно запланированными, приводят к формированию специфических для каждой культуры человеческих качеств и способностей, смыслового и знакового пространства.

Логично предположить, что переход от биологического к социальному уровню материи происходил в режиме кризиса (древнегреч. кризис – перелом, надлом), разрешения ведущего противоречия биологического мира, в результате разрешения которого был актуализирован антропологический потенциал материи. Это и дало возможность начаться антропосоциокультурным процессам. Еще более «тонкий» (по объему) слой социального – этнический модус – формируется в результате длительного периода «сгущения» и локализации социокультурных процессов, в результате чего складывается этничность, как высшее проявление и конкретизация видовой (антропологической – П. Гречко и др.) социальности в границах локальной социокультурной общности. В свою очередь, этничность становится важнейшим условием и частью процесса формирования ментального пространства подсознания и сознания, зарождающегося «контекста» социокультурной традиции определенной культурной общности.

Представляется важным отметить, что общим моментом всех интерпретаций ментальности является указание на неуловимость средствами современных методологий самого феномена, который предстает как неосознанное, но «само-собой разумеющееся» ядро коллективных представлений. Интегрируя мнение ряда исследователей ментальности (И. Малыгина, Н. Хамитов, Р. Додонов и др.), укажем на самое важное в их понимании данного феномена. Исследователи отмечают два «встречных потока» в формировании ментальности, т. е. взаимодействие потенциальной энергетики внутренних подсознательных импульсов к коллективным действиям и цивилизационные воздействия (религиозные, этические, эстетические, политические и др.).

Такие характеристики ментальности поддерживают предлагаемую в данной работе концептуальную версию иерархической (интегральной) модели природы этноса как важнейшего субъекта социального процесса. Указывая на условную «ось устойчивости» этноса, мы предполагаем, что ментальность служит обобщенной характеристикой телеснопсихического уровня сложности этноса как коллективного субъекта. Иначе говоря, обобщенной характеристикой его специфической социальности (этничности) и специфического культурного нормирования жизнеповедения как определенной общности людей. С одной стороны, ментальность «венчает» (интегрирует) этническую «ось устойчивости» (в векторе природно-социокультурное), с другой – является маркером единичности и определенности конкретной этнической общности, позволяющей ей стать отдельным «нечто» среди других подобных и осуществлять движение во всех модусах и векторах социального.

Этничность и ментальность скрепляют и интегрируют природу биологическую и социальную с помощью процедур культурных практик, во время которых не только эмоционально переживается, но и «проговаривается» ситуация совместности и противостояния другим этносам и миру в целом. Исследователи указывают на этот процесс, как на рождение мифа. Миф завершает интеграцию иерархически организованных процессов досоциального и социального уровней в социокультурной группе: он звучит, повторяется, приводит в движение тело, возбуждает эмоции и порождает сложные чувства его носителей – этнофоров.

Миф привлекает внимание большого числа исследователей, которые отмечают тождество мифа и этноса, указывают на наличие оригинального мифа у каждого этноса, выделяют общеантропологические архетипы и сюжеты в мифах разных народов (К. Леви-Строс, В. Топоров и др.). Нашей задачей становится указание на то, что миф является специфическим культурным текстом, который наполняет собой как структуру сознания, так и структуру бессознательного, находясь там одновременно. Полная гомология между структурами мифа организует мировосприятие этнофоров: оно эмоциональное, пралогическое, полисемичное. «Человек этнический» находится в мире и в мифе одновременно как в локальной этнокультурной реальности, утверждая свое «право» существовать в качестве элемента физической и условия социальной реальности. Следуя «логике природы», создающей этнос, можно предположить, что человек «разумный» непременно должен пройти стадию «человека этнического», как, прежде всего, «человека эмоционального», открытого во все сферы жизнеустройства, возникающего благодаря сложному сочетанию психики и культуры.

Оправданным также в нашем стремлении показать этнос в качестве субъекта социального процесса выглядит привлечение идей и положений организационной теории (А. Богданов, Л. Берталанфи и др.). Этнос можно определить как функциональную организацию, спецификой которой является способность создавать эффект увеличения сложности. Этнос – это организация-динамический комплекс, непрерывно регулирующий состояние «внутреннего равновесия» во всех известных модусах бытия (вещь, свойство, отношение). Важно, что отнесение этноса к социальной организации, наиболее сложной из известных, позволяет уйти от эффекта реификации («материализации»), т. е., в определенной степени, снять принципиальные методологические противоречия в его объяснении. Традиция определения этноса в качестве объекта (системы) или субъекта (группы индивидов) порождает эффект реификации, а вместе с ним и принципиальные противоречия, столкновение точек зрения, споры о реальном присутствии этноса в социальном пространстве или его «созданности» под прагматические устремления власти.

Рассматриваемая исследовательская позиция не противоречит указаниям В. Вернадского о соответствии организационных структур историческим периодам функционирования живых систем. Живая система-этнос как специфическая социальная форма (устойчивая структура) – это функциональная организация, обеспечивающая совместное бытие группы людей в виде межличностного процесса. Украинский исследователь этноса М. Степико нашел верную, на наш взгляд, формулировку для обозначения этнического процесса: «событие». Степико указывает, что ключевым элементом и важнейшей характеристикой человеческого бытия является не действие (деятельностный акт), а со-бытие, что на определенном этапе сотворения этнического коллектива важную роль начинает играть культурная соотнесенность и понимание [4]. С позиции коннекционизма – теории связей, – вырисовываются дополнительные возможности и перспективы объяснения этноса, а именно, рассмотрение устройства внутриэтнической коммуникации как нейросетевого.

Подведем предварительные итоги. Этнос предстает как социальный феномен, природа которого имеет «бесконечную» глубину закономерных взаимодействий элементов физического, химического, биологического и социального уровней материи как определенной системной целостности. «Верхний» (эволюционно молодой) социокультурный уровень «природы» этноса интегрирует сложность эволюционирующей материи и конституирует ее в программе существования и воспроизводства локальной социальной общности. Какова эволюционная необходимость формирования и существования этно-социокультурных общностей людей? Возможно, чтобы быть оптимальной (физической и информационной) средой и условием становления «человека разумного». Так, можно отметить, что оптимальность выражена в отсутствии иерархичности в отношениях между этнофорами, она задана организационной неиерархичностью этноса как функциональной (процессуальной) организации.

Выбранный масштаб и критерии анализа этнических процессов – глобальный эволюционный процесс и его закономерности; признание усложнения ведущей тенденцией саморазвития Мира, рассмотрение всех явлений, исходя из порядка их «устройства» и организации, – приводят к определенным новым результатам видения этноса. Этнос предстает как сущностное проявление социальной материи на уровне особенного, как фундаментальный субъект социального мира и среда оптимального становления индивида, позволяющая «запускать» процесс самовозрастания его индивидуальной сложности. Закономерности развертывания культурного пространства этноса предполагают переход от внутреннего, скрытого к внешнему, явленному в соответствии с ритмами движения этнической культуры в качестве программы становления, воспроизводства и фактора усложнения социальной реальности.

Общепризнанно, что этносы, как условие существования социального пространства, демонстрируют различные стратегии пространственно-временной динамики освоения планетарного мира, а также демонстрируют различные уровни включенности в различные модусы социального бытия, в том числе, в политический модус: разные этносы существуют по разным временным и пространственным ритмам. Этнические социокультурные системы также можно представить в исторической ретроспективе как «социокультурные системылидеры» и «социокультурные системы-проекты» (термин О. Габриеляна). Совокупность видов и форм стратегий субъектности этноса в целом может быть представлена в двух векторах: векторе стратегий «поглощающих» и стратегий конгломеративных, сохранение которых одинаково важно для сохранения этнического модуса в целом.

Тысячелетиями вмешательство рациональных принципов изменения социального мира приводило к усложнению конфигурации субъектной базы социальной реальности: выделяло ведущих и ведомых субъектов, но одновременно запускало действие противоречивой тенденции упрощения как сокращения, элиминирования разнообразия. Отметим, что в силу особенностей организации и природы этноса, в случае потери им субъектности, он теряет способность адаптироваться к вызовам социального мира как коллективный субъект. При этом носители этничности становятся пассивным материалом, объектом воздействия другого субъекта, т. е., ассимиляции. Есть основания предположить, что в современном мире указанный процесс идет чрезвычайно быстрыми темпами, сравнимыми с воздействием человека на биосферу в целом и требует оценки с точки зрения его действительной необходимости или потенциальной опасности.

Сегодняшнее кризисное состояние этносоциальной реальности несет в себе опасность трансформации социального мира. Нынешний кризис нельзя рассматривать как один из тех кризисов, что сопровождали становление этноса и запечатлевались в структуре многослойной этногенетической памяти, в поле которой находит поддержку самосознание этнофора, формируя программу своего поведения в социальном мире. Глобализация разрушает сущностный «стержень» этноса – этногенетическую историю, поскольку навязывает нечто усредненно-общечеловеческое по критериям западной цивилизации.

Анализируя события, всколыхнувшие планетарный мир и названные «этническим ренессансом», можно заметить противоречивые тенденции в функционировании мировой социальной системы, которые не утрачивают своей актуальности и сегодня. С одной стороны, этносы демонстрируют устойчивое стремление утверждать себя в роли субъектов социального процесса и тем самым активизируют («ускоряют») его. С другой стороны, – политические события, отразившие активизацию этнического движения, показали силу консервативных этносоциальных тенденций, которые стали сдерживать процесс региональных социально-политических преобразований, вызвали дискуссию о динамике глобализации в целом в контексте психо-соматических параметров существования человека в новом для него поликультурном социальном мире. Сложность ситуации в общественном движении, дополнительные факторы, в том числе и этнизация социальных отношений, были отмечены многими исследователями (Д. Белл, З. Бжезинский, Ж. Бодрийар, У. Дайзард, М. Кастельс, К. Кояма, И. Масуда, Дж. Нейсбит, Т. Стоунер, О. Тоффлер, К. Поппер, Ф. Фукуяма, А. Этциони и многие др.).

Исходя из характеристик этноса как фундаментального субъекта в социальном процессе, можно предположить, что консервативные тенденции в стратегии социально-политического поведения этнических сообществ-организаций будут усиливаться. Современный политический процесс привел к социальному кризису, который затрагивает основы социальных и культурных закономерностей существования человека. Под воздействием процессов глобализации этносы восстанавливают «разорванную» социальную ткань и при этом могут сдерживать или ускорять ритмы ее существования. Можно предположить, что фундаментальность этноса предполагает существование чрезвычайно мощных механизмов восстановления его статуса как субъекта социальной реальности и тогда «этнический парадокс» может оказаться лишь началом социальных катаклизмов, направленных на разрешение кризисного состояния этнических миров.

1. Андреев А. Л. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства / А. Л. Андреев. // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 1. – С. 105–114.
2. Базалук О. А. О сущности человеческой жизни / Базалук О. А. – К. : Наукова думка, 2002. – 272 с.
3. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука) . в 2 кн. / А. А. Богданов ; [редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др.]. – М. : Экономика, 1989–1989. – Кн. 1. – 1989. – 304 с.
4. Гегель Г. В. Ф. *Философия истории* / Г. В. Ф. Гегель // Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*. – М. Т. 8. – 1975.
5. Оконская Н. Б. *Основы метаантропологии: Человек и мир* / Оконская Н. Б. – М. : Вузов. кн., 2004. – 224 с.
6. Орлов В. В. Проблема материи в современной российской философии / В. В. Орлов // *Философия и общество*. – 2010. – № 3. – С. 22–39.
7. Степико М. Життєвий досвід людини як культурна реальність / М. Степико // *Философия, религия, культура: рациональное и иррациональное, традиции и новации* / [под общ. ред. А. С. Глушака]. – Киев-Севастополь, 1994. – С. 100–102.
8. Туровский М. Б. *Философские основания культурологии* / М. Б. Туровский ; [отв. ред. О. К. Румянцев]. – М. : РОССПЭН, 1997. – 439 с.

9. Урсул Т. А. Социоприродное развитие в концепции универсальной эволюции: Философско-методологический анализ : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филос. наук : спец. 09.00.08 «Философия науки и техники» / Т. А. Урсул. – М., 2006. – 37 с.
10. Шалютин Б. С. Тезисы о природе закона и об эмерджентной эволюции / Б. С. Шалютин // Вестник Курганского университета. Серия: «Гуманитарные науки». – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. – Вып. 4. – С. 111–118.